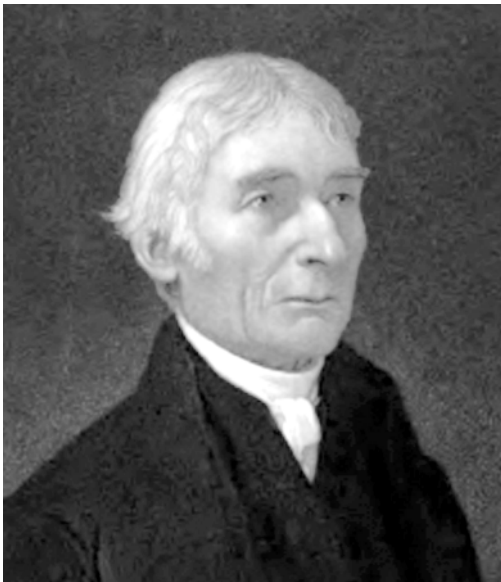

Н. И. ХРАПУНОВ

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО КРЫМУ СТИВЕНА ГРЕЛЛЕТА

Рис. 1. Портрет Стивена Греллета по изданию 1860 г. Гравер Дж. Сартин.

6 июня 1819 г. размеренный быт обитателей караимского городка Чуфут-кале был нарушен. В середине дня на плато, где жили караимы, поднялась группа из нескольких человек в иностранной одежде. Вел ее полицейский – татарин. Путешественники говорили между собой по-французски, бывший с ними поляк повторял их слова по-русски для полицейского, а тот переводил караимам. Иностранцы выразили желание увидеть караимского священника и, по его приглашению, прошли в одну из синагог. Вскоре здесь собрались многие жители города, привлеченные экзотическим зрелищем. Иностранцы желали узнать подробности караимского вероучения, а затем стали убеждать собравшихся в верности христианской доктрины.

Речь их была наполнена богословскими дефинициями и искусными толкованиями Библии. Неизвестно, насколько смысл сказанного доходил до караимов, не теряясь при двойном (и непрофессиональном) переводе, но, кажется, обе стороны получали удовольствие от беседы. Неторопливый разговор на возвышенную тематику продолжался несколько часов. Расстались они друзьями, причем иностранцы вынесли из разговора убеждение в том, что заставили караимского «первосвященника» задуматься над тем, что

Христос – мессия, о пришествии которого говорили ветхозаветные пророки. Что думал по этому поводу сам раввин, осталось неизвестным.

Об этой истории рассказал в своих мемуарах Стивен Греллет (Stephen Grellet, 1773-1855) – человек необычной судьбы. Его родиной была Франция, и там его звали Этьен де Греле дю Мабилье (Étienne de Grellet du Mabilier). Впоследствии, переехав за океан, он изменил свое имя на англосаксонский лад. Отец его был канцлером при дворе Людовика XVI. Окончив военное училище в Лионе, молодой Греллет стал телохранителем его величества. Будучи приговорен к смерти во время революции, Греллет покинул Родину и, перебравшись в североамериканские Штаты, примкнул к секте квакеров. «Общество друзей» возникло в Англии в середине XVII в. Квакерами, или «трепещущими» (от английского «quake» – «дрожать, трястись, трепетать») их прозвали из-за призыва первых лидеров: «трепещите пред словом Господа!» [ср.: Исайя 66: 5]. Развивавшее идеи реформации квакерство стремилось очистить религию от внешних форм, обрядов и догм, и наполнить ее внутренним, «духовным» содержанием. Квакеры отказались от церковных обрядов и таинств, не имели церквей и духовенства, осуждали насилие и войны, призывали к смягчению общественных нравов, занимались миссионерством, считали необходимым повсеместное распространение церковного образования, были активными благотворителями. На Греллета большое впечатление произвели труды известного квакера Уильяма Пенна. В 1796 г. Греллет вступает в члены «Общества друзей» и начинает серию поездок по Северной Америке и Европе, связанных с его активной общественной деятельностью.

Греллет занимался самыми разными проектами: боролся за пенитенциарную реформу в Великобритании и против рабства в Североамериканских Штатах, был проповедником и миссионером, пытался увеличить роль квакеров в жизни всего общества. Он побывал во многих странах Европы, встречался с королями Испании и Пруссии, императором Александром I и папой Пием VII. Особый интерес Греллета, помимо религиозной ситуации в стране пребывания, вызывали тюрьмы, больницы, помощь бедным, народное образование.

В Россию Греллет приехал в 1818 г. по приглашению императора Александра I, с которым познакомился в Лондоне за четыре года до того. Прожив некоторое время в Петербурге, он решает совершить поездку по югу России. Греллета заинтересовали русские секты, возникшие из стремления к обновлению православия, – молокане, духоборцы, а также колонии немецких протестантов в Крыму и на реке Молочной. В их учении он увидел много общего с учением квакеров. В Крыму квакер провел две недели в июне 1819 г. Надо думать, покровительство Александра Греллету объясняется не только общим мистическим настроением и религиозными интересами императора, или тем, что он поддерживал проекты квакеров по облегчению условий тюремного заключения и введению школ так называемой «Белл-Ланкастерской системы»,

когда учитель занимается со старшими учениками, а те – с младшими [1, с. 761-769]. По всей вероятности, Александр рассматривал христианское миссионерство как один из способов просвещения и интеграции мусульманских подданных в структуру империи. Об этом говорит история шотландских проповедников на Кавказе и в Крыму, пользовавшихся поддержкой императора [2]. В свою очередь, квакеры стремились создавать и использовать для пропаганды собственного учения связи с монархами, включая даже турецкого султана.

Итак, в начале XIX в. в России ведется активная миссионерская деятельность, которую поддерживало правительство, но вдохновителями и участниками ее были в основном британцы. Помимо распространения печатных библий и проповедей, миссионеры занимались благотворительностью, создавали школы и больницы для новообращенных. В частности, «Лондонское Общество по распространению христианства среди евреев» раздавало иудеям переведенный на иврит Новый завет [3]. На юге России проповедовали упомянутые выше шотландские миссионеры из Карраса, ныне это поселок Иноземцево в Ставропольском крае [4, р. 28-30; также: 5, р. 446-454]. Им даже удалось обратить в христианство потомка династии Гиреев А.И. Крым-Гирея Кати-Гирея [2], который археологам известен как первооткрыватель Неаполя Скифского.

В 1813 г. в Петербурге создается Библейское общество, имевшее целью распространение печатных Библий среди нехристианских подданных империи [6]. Вдохновителем этой затеи было британское Библейское общество, действовавшее с похожими целями в масштабах всего мира, покровителем – российский император. В 1815 г. отделение Российского библейского общества открывается в крымской Феодосии. Оно занималось распространением Библий среди татар и «евреев» (караимов?) и пользовалось покровительством губернатора. В Англии думали, что Общество достигло больших успехов [7, р. 117], однако побывавший в Крыму британский миссионер Э. Хендерсон куда более скептичен [5, р. 373]. В 1816 г. «Библейское общество» было открыто и в Симферополе. Впоследствии А.И. Крым-Гирей устроил здесь школу для татар, где обучение велось по христианскому Священному писанию [7, р. 343].

С 1816 г. в селении Карагоз (ныне Первомайское в Кировском районе Крыма) жили какие-то британские миссионеры, занимавшиеся не только проповедями, но и лечением местных жителей и другой благотворительностью. Об их деятельности известно из сочинения М. Хоулдернесс [8], принимавшей участие в этом предприятии. В 1821 г. по поручению Шотландского миссионерского общества в Бахчисарай прибыли доктор богословия Росс и священник Дж.Дж. Каррадерз [7, р. 28]. С последним в 1822 г. встречался британский путешественник Р. Лайалл. По его словам, Каррадерзу вроде бы удалось обратить «многих» татар [9, р. 275-276]. Таким образом, поездку Греллета стоит рассматривать как одно из проявлений активной миссионерской деятельности представителей западноевропейских церквей в Рос-

сии в правление Александра I. Удивительно, но в Крыму Греллет, судя по его мемуарам, с другими миссионерами не встречался.

Пожалуй, лучшим, да и основным, источником сведений о жизни и деятельности Греллета являются «Воспоминания о жизни и евангелических трудах Стивена Греллета» [10; 11], на которых основаны биографии квакера [12; 13]. Русской историографии о Греллете известно крайне мало. О его пребывании в Петербурге рассказывает А.Н. Пыпин со слов английского исследователя Дж. Каннингема, который в свою очередь использовал мемуары самого Греллета [1]. И.Т. Осинин опубликовал перевод отрывков из воспоминаний Греллета о России, опустив при этом их «крымскую» часть [14]. Пожалуй, лучшее исследование творчества Греллета на русском языке принадлежит К.П. Грушко, который не ограничился биографией проповедника и библиографией (которую собрал в сносках). Исследователь указал на ряд важнейших особенностей риторики Греллета, его словаря и мировоззрения, отразившихся в его текстах, без понимания которого невозможны ни понимание самого Греллета, ни перевод его трудов [15; 16].

Помещенные в крымский контекст, записки Греллета становятся важным источником для исследования истории и этнографии полуострова. Автор довольно обстоятельно рассказывает о религиозных общинах Крыма в начале XIX в., причем интересуют его конфессиональные меньшинства – римские католики, протестанты, молокане, караимы. В этих учениях он видел много общего с квакерством, а потому рассматривал их как потенциальную аудиторию для своей проповеди.

Сочинение Греллета являет собой нехарактерный для пишущих о Крыме иностранцев пример восприятия действительности через призму искреннего религиозного чувства и миссионерской деятельности. В этом отношении оно является важным источником для изучения пока совершенно неразработанной темы символической географии¹ Крымского полуострова.

Проблема возникновения («конструирования») представлений европейцев о Крыме как о культурно-историческом феномене, мифологизации и

---

¹ Поскольку данное исследовательское направление знакомо не всем читателям МАИЭТ, позволю себе вкратце объяснить, о чем, собственно, речь. В качестве исследовательского направления, символическая география рассматривает регионы и другие географические объекты как культурные целостности. Исследователя интересует не объективная ситуация в регионе, но то, как на нее смотрели пришельцы извне – путешественники, исследователи, философы, возникающие у них стереотипы, комплексы, парадигмы. Иначе говоря, данный метод исследует восприятие пространства, порожденное определенными текстами, изображениями и способами мышления. Примером такого анализа может быть работа Э.В. Саида, разбирающая представление о Востоке в западной культуре. По его мнению, Восток – это не объективное явление, а стереотип, порожденный европейским колониальным воображением и популяризованный академическим востоковедением и сочинениями путешественников и литераторов [17].

трансформации этих идей в русской и украинской литературе фактически не рассматривается. Иногда исследователи признают ее существование [18, с. 163-164], но этим дело и ограничивается.

Присоединение Крыма к Российской империи сделало его доступным для иностранцев. Европейские дипломаты бывали тут и во времена Крымского ханства, но центром «массового паломничества» полуостров стал уже после российского завоевания. Одни иностранцы появлялись здесь по долгу службы, другие – из любопытства, ведь туризм в это время становится важной частью культуры высших классов европейского общества. Путешественники понимали, что полуостров резко отличался от других районов империи природой, разнообразием этнических типов, яркими памятниками античной и средневековой культуры, наследием Крымского ханства. Изданные после поездок сочинения формировали общественное мнение о Крыме в эпоху, когда путеводители еще только зарождались как жанр, а исторические и этнографические работы зачастую имели вид травелогов. Не будет большим преувеличением сказать, что вплоть до Восточной войны 1853-1856 гг. наиболее популярными источниками сведений о полуострове были опубликованные на рубеже XVIII-XIX вв. книги Э.Д. Кларка [19, р. 97-320], П.С. Палласа [20] и М. Гатри [21]. Если образ Крыма в русской общественной мысли конца XVIII в. исследован в монографии А.Л. Зорина [22, с. 95-122], то его отражение в сочинениях европейцев толком не изучалось. Некоторые предварительные наброски можно отыскать у Л. Вулфа, рассматривавшего полуостров как составную часть «Восточной Европы», образ который сформировался, по мнению исследователя, в XVIII в. [23]. Ряд статей опубликовали зарубежные коллеги [24–27]. Для такого рода исследований Греллет интересен как носитель определенного мировоззрения.

Он, конечно, не единственный религиозный деятель, оставивший описание полуострова в начале XIX в. Как уже говорилось выше, в это время здесь побывали шотландский миссионер Хендерсон [5, р. 288-379] и британка Хоулдернесс, судя по тексту мемуаров, связанная с какими-то проповедниками, однако ее записки носят подчеркнуто светский характер [8, р. 89-316]. Одним из основных интересов Греллета было изучение возможностей для квакерской проповеди в России, в особенности там, где почва для нее подготовлена протестантами. Если в Петербурге его занимали пенитенциарные учреждения и встреча с властями, то в Крыму – общение не столько с администрацией, сколько с рядовыми подданными империи. Соответствующие записки и стали основой его крымских дневников. В них он предпочитает рассказы о евангельской проповеди, молитве и дискуссии на религиозные темы рассказам о древних памятниках, столь обычным у других путешественников, или природных красотах. Искренняя вера автора и его убежденность в правоте своих слов не могут не вызвать уважения и симпатии – но иногда его слова чересчур наивны. Так, сложно поверить, что проповедь в татарской школе где-то в херсонских степях,

да еще и с помощью двойного перевода, вызвала у учеников, а главное – у их наставника тот прилив энтузиазма, о котором говорит Греллет [10, р. 459]. Скорее, возникшая взаимная симпатия объясняются как раз тем, что собеседники не вполне понимали друг друга. Нынешнему читателю может показаться комичным торжественное описание религиозного диспута с караимами, который также велся при посредстве двух переводчиков [10, р. 464-466]. Вряд ли толкователям-непрофессионалам, один из которых к тому же не был христианином, удавалось передать все тонкости аргументации в споре о библейских пророчествах. Когда караимский священник затруднился с ответом на очередное толкование Греллета, что квакер воспринял как доказательство собственной правоты, это могло означать не поражение в споре, а то, что он попросту не понял каких-то слов... Впрочем, о недостаточной образованности караимских раввинов в это время писали и другие, в частности, шотландец Дж. Уэбстер [28, р. 81], так что, возможно, в этих словах есть доля правды.

Греллет создает свой образ Крыма, отдельными свойствами напоминающий колониальный Восток. Из его слов создается впечатление, что даже наиболее близкие ему в религиозном плане жители Крыма мало способны к самостоятельному духовному развитию и совершенствованию. Для получения истинного религиозного знания или его сохранения им требуется помощь извне – не хватает священников и книг, проповедей и истолкований. Отсюда, по-видимому, такая искренняя готовность слушать Греллетову проповедь и у протестантов, и у католиков, и у караимов, и у мусульман. Взглядам же крымчан нередко свойственна наивность и простота. Сам же автор предстает как добрый и отзывчивый учитель, который относится к окружающим чаще как к детям, чем как к равным себе. Получается, что представители разных народов и вероисповеданий нуждаются в духовной опеке – мнение, характерное для европейцев в отношении Востока [17, с. 55].

Важным представляется то обстоятельство, что Греллетовы записки – это дневник, который автор не готовил к печати. Таким образом, он объективно выражает то, что тот видел и чувствовал. Что путевые заметки при подготовке к печати могли приобретать четко выраженную идеологическую окраску, видно, например, из сравнения «русской» части многотомных «Путешествий» Э.Д. Кларка [19] с его письмами из России [29, р. 265-307].

Итак, мемуары Греллета разнообразят имеющийся в нашем распоряжении корпус свидетельств иностранцев о Крыме начала XIX в. Отмечу, что сколько-нибудь развернутой его источниковедческой характеристики пока не создано. Фактически, источниковедческий анализ закончился на статье В.И. Равдоникаса, разобравшего значение травелогов для изучения «пещерных городов» в Крыму [30, с. 7-19]. Предпринимавшиеся в дальнейшем попытки характеристики травелогов как своеобразной группы источников о Крыме формальны и никак не могут считаться удовлетворительными [31, с. 514-519].

В целом украинские и российские исследователи предпочитают использовать травелоги прежде всего как источник для изучения конкретной темы [32; 33], не задумываясь о комплексном анализе всей группы источников. Возможно, неразработанность теоретических вопросов источникового анализа травелогов связана с тем, что значительная их часть является библиографической редкостью. Это очень разнообразные стилистически и жанрово документы, нередко имеющие внутренние связи между собой, написанные людьми с разной мотивацией и разными идеологическими установками, которые не только сообщают самые разнообразные сведения о полуострове, его природе, этнографии, истории и археологии, но также позволяют реконструировать формировавшийся здесь образ Российской империи. В связи с этим, предлагаемый перевод «крымских отрывков» из дневника Греллета поможет коллегам, которые возьмутся за подготовку обобщающей работы о сочинениях иностранцев в Крыму, а также вызовет определенный интерес у историков и этнографов, специализирующихся на изучении полуострова.

«Воспоминания» о Греллете (а точнее, воспоминания самого Греллета) были изданы уже после его смерти, под редакцией другого квакера Бенжамина Сибомы (1798-1871) [о нем: 34, pp. 169-171; 35, s. v. Seebohm, Benjamin]. Книга представляет собой упорядоченные фрагменты документов, написанных самим Греллетом (дневниковые записи, письма), которые редактор разделил на главы. В тех случаях, когда Сибом хотел сократить написанное Греллетом, или считал нужным предупредить, пояснить или подытожить сказанное, он дополнил текст отрывками собственного сочинения. Первые главы, рассказывающие о юности Греллета, почти целиком написаны редактором. Тексты, не принадлежавшие перу Греллета, выделены с помощью увеличенного шрифта. Любопытно, что дневники Греллета изданы по-английски. При этом по его собственным словам, в России он общался в основном по-французски, да и себя называл «французом». Однако английский для него – это язык квакерской религии, использование которого необходимо для проповеднической деятельности [16].

Отрывки из «Воспоминаний» уже публиковались в русском переводе [14], который, однако, неполон (в частности, выпущена «крымская» часть), и, кроме того, не выдерживает критики именно как перевод [16]. Предметом настоящей публикации является та часть «Воспоминаний», где речь идет о Крыме и его жителях, которая может служить источником сведений по истории полуострова и его обитателей. Это конец 32 и вся 33 глава оригинального текста. Перевод выполнен по первому изданию книги [10, pp. 441, 458-472]. Курсивом выделены фрагменты, принадлежащие перу редактора – Сибомы. Отмеченное звездочкой (*) примечание принадлежит редактору мемуаров, Сибому, а примечания под арабскими цифрами – переводчику. Номера страниц в оригинальном издании приводятся в угловых скобках <> перед началом каждой страницы. В таких же скобках приводятся топонимы, этнонимы, имена людей

в написании Греллета по оригинальному изданию. В переводе топонимика дана в современном написании.

В оригинальном издании обильно цитируется Библия – как в виде прямых цитат, так и коннотаций. Очевидно, это так называемая «Библия квакера» (Quaker Bible) – английский перевод Священного писания, выполненный в 1764 г. Энтони Первером [36]. Насколько мне известно, особой квакерской Библии на русском языке не существует, потому оставалось лишь воспользоваться Синодальным переводом Библии – по лондонскому изданию [37]. Там, где явные и скрытые отсылки к Библии восстанавливаются достаточно уверенно, прежде всего исходя из терминологических заимствований из «Библии квакера», я счел возможность привести ссылки на Синодальную Библию, тем самым косвенно поясняя мотивы того или иного переводческого решения.

В заключение хотел бы поблагодарить коллег – Д.В. Конкина и Д.А. Прохорова за ряд важных замечаний и предложений, высказанных при обсуждении данной работы, а также И.С. Мартынюка за его всегда любезную готовность помочь советом или литературой.

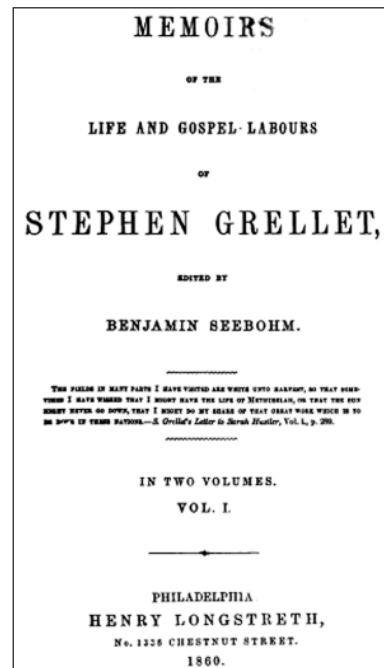

Рис. 2. Титульный лист «Мемуаров Стивена Греллета». 1860 г.

**Воспоминания о жизни и евангелических трудах Стивена Греллета,
под редакцией Бенджамина Сибом**

<Р. 441>

ГЛАВА XXXII

Третья поездка в Европу.

Россия. Екатеринослав. Меннониты. Молокане. Духоборцы. Перекоп.

Симферополь.

Теперь перед ними лежал долгий и трудный путь на юг. Задержавшись на определенное время в некоторых городах, лежавших на их пути, они посетили немецкие колонии меннонитов на левом берегу Молочной, провели некоторое время у истинных христиан – молокан и в соседнем селении духоборцев, а затем переправились через Степь <Steppe>² из Альтоны, последней твердыни

² Сибом пишет это слово с заглавной буквы, воспринимая его как географическое название. Сам же Греллет более аккуратен в этом отношении [10, р. 458].

меннонитов, в Перекоп и Крым. Полученные благодаря любезности императора Александра и разных духовных и светских властей в Петербурге рекомендательные письма открывали им дорогу везде, куда они приезжали; «и во дворце, и в тюрьме» Господь продолжал помогать их труду любви³.

...

<Р. 458> В этих краях⁴ невозможно взять почтовых лошадей, потому мы наняли одного из меннонитов, чтобы тот на своих лошадях доставил нас в Перекоп <Perekor>. Рано утром 31го <числа пятого месяца⁵ 1819 г.>, после торжественной и прочувственной <религиозной> беседы⁶ с той семьей, где нас так любезно принимали, и еще несколькими подошедшими людьми, мы отправились в долгий путь через пустыню. Около десятка верст нас сопровождал Контений <Contenius>⁷, бывший нам так полезен, а любовь его к нам усиливалась все больше. У начала пустыни мы торжественно распрощались друг с другом с чувством христианской любви. Эта пустыня, или «степь» <steppe>⁸, тянется на всем пути до Перекопа и на большом расстоянии за ним, и вправо, и влево; вода здесь плохая и солоноватая. Появилось несколько озер с соленой водой. В этих степях встречаются большие стада скота, отары овец и множество диких лошадей. Природа щедра к этим животным: хотя воды здесь мало, ночью выпадает обильная роса, так что трава вырастает до значительной высоты; но здесь не увидишь ни единого куста. Летом в изобилии растут дикие арбузы превосходного сорта, которыми наслаждаются и человек, и зверь. То там, то здесь мы проезжали мимо каких-то татарских деревень, но и днем, и ночью мы продолжали оставаться в экипаже. Иногда в дополнении к захваченной с собою провизии мы покупали немного молока. Однажды ночью мы остановились возле небольшой татарской лачуги, в которой отдыхали другие путешественники. Оказалось, что наше общество составляли татары, турки, греки, русские, наш спутник и переводчик – поляк, мой товарищ – англичанин⁹, и я – француз.

³ Ср.: 1-е Фессалоникийцам 1: 3.

⁴ То есть в окрестностях поселения немцев-меннонитов Альтона <Altona> на реке Молочная, что в современной Запорожской области [10, р. 441, 455].

⁵ В соответствии с квакерской традицией, Греллет отказывается употреблять «языческие» названия месяцев и дней недели и называет их по номерам, причем первым днем недели считалось воскресенье.

⁶ О значении термина «religious opportunity» в тексте Греллета и о том, как его переводить, см. статью К.П. Грушко [16]. В настоящем переводе во всех случаях в качестве эквивалента употребляется «религиозная беседа».

⁷ Ср.: «Здесь <то есть в Екатеринославе – прим. перев.> живет Контений, родом из Германии; он говорит также по-французски и по-русски; он – попечитель над колониями немцев, меннонитов, духоборцев и пр., а также крымскими, и является достойным, глубокомысленным человеком» [10, р. 447].

⁸ Ср. прим. 2.

⁹ Спутником Греллета был англичанин Уильям Аллен (1770-1843), квакер, ученый и филантроп [38; 39].

В этой глуши нас догнал меннонит¹⁰ из Альтоны <Altona>¹¹, который вез нам письма, прибывшие после нашего отъезда. Одно из них было из Америки, от моей возлюбленной жены; за десять недель оно добралось из Америки в Англию, откуда было отправлено в Петербург, затем в Москву, в Екатеринослав <Ekaterinoslav>¹², затем в некоторые из колоний на Молочной <Moloshnaia>¹³, и, наконец, попало ко мне в руки в этой пустыне.

Однажды, когда мы проезжали через большую татарскую деревню <P. 459> и сделали там остановку, чтобы пополнить запасы продовольствия, их вождь <Chief>, говоривший по-русски <Russ>, настойчиво приглашал нас к себе домой. Угостив нас чашкой чая, он сказал, что, если мы останемся на ночь, он зарежет овцу – а это считается у них настоящим пиром. Однако мы не могли принять это любезное предложение. Затем он повел нас в школу, где мы встретили большое количество мальчиков. Их наставник – священник-магометанин. Мальчики сидели, скрестив ноги по восточному обычаю. Они писали камышом, а не перьями, справа налево. Другие читали из Алкорана <Alcoran>. Мы почувствовали необходимость поговорить с ними о великой любви Бога к человеку, «ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную»¹⁴, и прочая, и прочая. Наш поляк переводил сказанное нами на русский, а прислужник – на татарский. Молодые люди и их наставник были глубокомысленны людьми и не раз выражали одобрение, прикладывая руки к груди и поднимая очи горе; они выказали свою к нам любовь, когда мы уходили, а наш любезный хозяин трижды целовал нам руки, а затем прикладывал их к своему лбу.

Затем наш путь лежал обычно в виду Гнилого моря <Putrid Sea>¹⁵. Мы повстречали несколько стад верблюдов, стаи крупных птиц и несколько больших орлов. В этих степях очень часто встречаются волки, настолько наглые, что иногда нападают на путешественников. Мы проезжали мимо крупного

¹⁰ Меннониты – протестанты, последователи учения нидерландского священника Симониса Меннона (1496-1561). Они утверждают свободу личного понимания веры и толкования Библии. Являются сторонниками простой жизни, непротивления и пацифизма. Живут общинами, церковной иерархии не имеют.

¹¹ См. прим. 4. Название «Альтона», вероятно, происходит от города Альтона недалеко от Гамбурга, ныне ставшего его частью.

¹² Современный Днепропетровск.

¹³ На левом берегу реки Молочная (или Молочные воды), в Таврической губернии, находились колонии меннонитов, переселявшихся туда после второго раздела Польши в 1793 г. по протекции Екатерины II, даровавшей им земли и привилегии. В 1801 году был издан указ о переселении духоборцев на правый берег той же реки, которая стала естественной границей между ними и меннонитами.

¹⁴ Иоанн 3:16.

¹⁵ Сиваш. Любопытно, что его название Греллет приводит в английском переводе.

волка, лежавшего на земле вместе с орлом, который, вероятно, напал на него; орлиные когти были почти полностью погружены в спину волка; в схватке этой погибли оба.

После утомительного путешествия через «великую степь» второго числа шестого месяца они достигли Перекопа, где еще раз имели «роскошь как следует помыться в чистой, свежей воде, которой у них не было уже несколько дней». Но, «найдя очень мало того, что могло бы их там задержать», они продолжали свой путь на следующий день, «по-прежнему путешествуя по степи». Они прибыли в Симферополь (Simferopol) около полудня четвертого числа (р. 460) шестого месяца, причем это был первый день после отправки из Або <Або>¹⁶, когда они увидели на расстоянии в две сотни миль «горизонт, ограниченный грядой высоких холмов или гор». Теперь лик этой страны переменялся – они находились посреди прекрасного крымского пейзажа.

<Р. 461>

Глава XXXIII.

Третья поездка в Европу

Крым. – Еврей-караимы. – Немецкие и швейцарские колонии. – Возвращение в Перекоп. – Херсон. – Николаев. – Одесса.

...

Прибыв в наиболее привлекательное место в Крыму, Стивен Греллет и его товарищ сразу же вернулись к привычной для них работе. В духе апостола, который, не отвергая ни одного христианского принципа и не принося евангельские требования, «для всех сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых»¹⁷, они легко вступали в религиозные беседы со всеми классами и сословиями, встречавшимися на их пути, с богатыми и бедными, «что до них, готовые благовествовать»¹⁸ ко всем. С.Г. следующим образом описывает их любопытные труды в тех краях и то, как в Одессе завершилась их поездка в Россию:

Симферополь, 5ый день шестого месяца. В этом месте находится четыре тысячи жителей, в основном татар и турок; у них есть четыре мечети. Здесь мы обнаружили несколько духовных христиан <Spiritual Christians>, которых здесь называют молоканами <Malakans>¹⁹. Один из них, приятный и образованный молодой человек, немного говорил по-французски. У них

---

¹⁶ Шведское название финского города Турку. Греллет был там в конце октября – начале ноября 1818 г. [10, р. 377-382].

¹⁷ Ср.: 1е коринфянам 9:22. В Библии апостол говорит от первого лица, а Сибом перевел английскую фразу в третье.

¹⁸ Ср.: К римлянам 1:15. Здесь также, как и в предыдущем случае (прим. 17) редактором изменено лицо (из первого в третье) и число (из единственного во множественное) по сравнению с библейским текстом.

¹⁹ Молокане – русское религиозное движение, представители которого называли себя «духовными христианами». Название же «молокане» было дано им потому, что они в пост пили моло-

есть Библии и Книги Завета на некоторых восточных языках, но оказалось, что очень немногие магометане желали их прочитать; они станут читать написанные, но не напечатанные книги. <Р. 462> Я спросил у одного из молокан, сказавшего, что он некогда был среди духоборцев <Duhobortzi>²⁰, как он убедился в своих ошибках²¹; он же весьма энергично отвечал, что «В руки мои вложили Библию; я читал ее, но разве можно читать Библию и не убедиться в том, что я находился среди больших заблуждений?» У нас было несколько очень интересных религиозных бесед с этими людьми. Они дали нам те же самые ответы на заданные им вопросы, что и их собратья в Екатеринославе²². Они также дали нам много информации в отношении великих гонений, которым они подвергались, пока за них не заступился император Александр²³. В некоторых отдаленных губерниях его благосклонное о них

ко, однако сами они объясняют его тем, что вкушают «словесное молоко» [1-е Петра 2: 2]. Это движение возникло в середине XVI в. Духовные христиане отвергали церковные таинства, обряды, почитание икон и креста, не строили храмов, концентрируясь на изучении Священного писания. Молоканство – явление разнородное, объединяло несколько направлений, весьма отличавшихся друг от друга (старопостоянные, прыгуны, максимисты, сухие баптисты, субботники).

²⁰ Духоборцы или духоборы – протестантское течение, возникшее в середине XVIII в. на юге России. Они отвергали всякую обрядность православия, иконы, разные церковные правила и предписания. В начале XIX века по указу Александра I духоборцы были поселены в Таврической губернии.

²¹ Хотя воззрения молокан и духоборцев довольно близки между собой и весьма напоминают учение квакеров, духоборцы, однако, не признают Библию в качестве высшего авторитета и считают, что пришествие Христа нужно понимать не в материальном, а в духовном смысле, ведь Христос может воплотиться в каждого верующего. Вероятно, эти взгляды и казались «ошибочными» молоканам и Греллету.

²² О посещении Екатеринослава и общении с тамошними молоканами Греллет рассказывает в части своих мемуаров, не вошедшей в данный перевод [10, р. 449-452]. Вот что поразило его более всего: «Во всех основных моментах христианской религии: грехопадении человека, спасении Христом через веру, искупительной смерти Христа, его воскресении, вознесении и прочем, их взгляды очень определены. Также в отношении действия Святого духа, молитвы, службы, крещения, причастия, обетов, и прочая, и прочая, мы могли бы предположить, что они были основательно знакомы с нашим <т.е. квакерским – прим. перев.> религиозным Обществом, но они никогда не слышали ни о нас, ни о других людях, исповедующих ту же веру, что и они сами. Однако в отношении войны их взгляды не так определены... Священников их утверждают точно также, как и наших, и, подобно нам, они считают единственной и наилучшей им наградой – похвалу драгоценного Спасителя; потому они не получают никакой оплаты... Они обратили наше внимание на огромное различие между ними и духоборцами. Последние отвергают авторитет Писания; они отвергают божественность Господа нашего Иисуса Христа, его жертву за грехи на Голгофе и спасение через веру в него. Есть и третья группа, которая во всех отношениях напоминает духовных христиан, за исключением того, что, подобно евреям, они добросовестно соблюдают седьмой день недели <то есть субботу – прим. перев.> и воздерживаются от употребления в пищу свиной плоти и тех животных, которые в Писании названы нечистыми... Молокане... рассеяны по разным районам России от Крыма до Сибири и Кавказских гор...».

²³ Имеется в виду, вероятно, указ 1805 г., прекращавший преследования молокан и давший им свободу вероисповедания. Впоследствии, в 1818 г. Александр распорядился освободить всех духоборцев и доставить их в Крым.

мнение и его указы в их пользу не находят понимания, так что некоторые их семьи до сих пор находятся в ссылке. У нас было несколько экземпляров только что напечатанного Нового Завета на русском языке – их нам доставили в Екатеринослав. Эти люди наслаждались ими; один из них читал другим из Евангелия от Иоанна. Это место, прежде называвшееся Акмечеть <Akmetchet>, расположено у входа в теснину Крыма <narrow neck of the Crimea>. До времени Екатерины в этих краях были многочисленны татары – некогда это был могущественный народ. Так как нам нужно было еще раз пересечь его, мы сочли за лучшее в настоящее время отправиться в дальний конец Полуострова. Секретарь губернатора любезно взял на себя заботу о большей части нашего багажа, который мы не хотели брать с собой.

Рано утром 6го числа шестого месяца мы отправились в Бахчисарай <Baktchiserai>. Страна прекрасна, богата и плодородна, и хорошо возделана; здесь есть очень хорошие виноградники и, на высокой земле, очень высокие деревья. Это очень древний город. Он был столицей старинной Татарии <Tartary>²⁴, где обычно жили ханы. Расположение его необычно – в глубокой и узкой долине, между двумя высокими холмами, один из них образован мягкими скалами, которым дождь придал разнообразные причудливые формы. В некоторых местах скалы выступают на двадцать или тридцать футов²⁵ над построенными внизу домами, другие поднимаются перпендикулярно, и в них высечены трехэтажные жилые дома. На улицах не увидишь ни одной женщины <Р. 463>, которая не скрывалась бы под толстыми покрывалами, да и те из беднейшего сословия. Мужчины усердно трудятся в лавках, сидя, скрестив ноги, на кусках циновок или ковров. Оказалось, что их основное занятие – это производство разнообразных сафьяновых кож и изготовление из них восточных туфель, которые все здесь носят вместо европейской обуви. Мы наняли офицера полиции, татарина, говорившего на русском <Russian>²⁶ языке, чем здесь могли похвастать очень немногие, сопровождать нас в «Крепость» <Fortress>²⁷. Это место населяют еврей-караимы <Karaites>. Мы пошли пешком, так как экипаж не осилил бы эту дорогу. Узкая долина между двумя высокими холмами тянется около двух верст за пределами города. Выйдя из нее, мы попали в окружение большой группы цыган²⁸. Их высокие шатры крыты шкурами. Это почти такой же народ, что и виденные мною в Англии, Швеции и России, за исключением того, что некоторые из них оказались почти

---

²⁴ По традиции своего времени Греллет добавляет в слова «Татария» и «татары» букву «р», тем самым связывая их с «Тартаром» греческой мифологии, то есть преисподней.

²⁵ 1 английский фут = 30,49 см.

²⁶ В другом месте Греллет употребляет для этого языка слово «Russ» [10, p. 459].

²⁷ Речь идет о Чуфут-кале. Греллет приводит не оригинальное название, но английский перевод (ср. прим. 15).

²⁸ Очевидно, путешественники въехали в Салачик – предместье Бахчисарая, где жили цыгане.

черными; говорят, это из-за того, что они подвергаются действию погоды и жаркого солнца, так как дети обычно почти полностью раздеты. Как и другие цыгане, они очень любят музыку. Пройдя еще дальше, наша дорога сузилась, а скалистый холм справа от нас стал выше, и скорее нависал над нами, чем был перпендикулярен. Здесь находится большой греческий <Greek>²⁹ монастырь, высеченный в скале³⁰. Единственная входная дверь находится примерно в тридцати футах над землей. Подъем к ней труден, так что два или три человека смогут оборонять ее от множества воинов. К двери нет иного пути, кроме веревочной лестницы, спущенной сверху для этой цели. Добраться до нее по веревкам с вершины холма невозможно, так как они свисали бы, наверное, в двадцати футах от склонов холма. Раньше тут жило много монахов, но сейчас осталось только трое. Местность вокруг пронизана глубокими, извилистыми пещерами. Некоторые из них тянутся на мили под землей³¹. Заходить в них крайне не безопасно, если только вы не знакомы с их многочисленными изгибами. Предполагают, что во времена преследований, а также и гражданских войн, их использовали в качестве убежищ. Дальше виднеется то, что называлось «Крепостью». К ней ведет крутая и узкая тропа среди скал. Она действительно такая узкая, что преодолеть ее может только один мул или лошадь <P. 464> с грузом кожаных фляг с водой. Мы прошли по ней гуськом. Она <Крепость> имеет вид крепкой стены в шестьдесят-восемьдесят футов высотой – но это сплошная твердая скала. Вход – через железную дверь, ведущую к узкому, петляющему проходу, высеченному до верха той скалы, на которой стоит город. Его населяют евреи-караимы. Вершина простирается на некоторое расстояние. Дома – высотой в два, три или четыре этажа. На окнах имеются заслонки или решетки, так что нельзя увидеть никого из жильцов. Снаружи мы не видели ни одной женщины. Войдя в город, мы присели на рыночной площади, так как были сильно утомлены переходом и палящим солнцем. Через некоторое время несколько человек подошли посмотреть на нас, а вскоре приблизился и их Первосвященник <High Priest>, который пригласил нас пройти в синагогу <synagogue>³², разговаривая с нами через посредство нашего татарина, который переводил нашему поляку, а тот уже нам. Его звали

²⁹ То есть православный. Православную церковь Греллет практически всегда именует «греческой», соответственно – священников и обряды.

³⁰ Монастырь Успения Богородицы, что на окраине Бахчисарая.

³¹ Поскольку глубоких естественных пещер в этом месте нет, заманчиво было бы увидеть здесь намек на водосборную галерею, недавно открытую под Чуфут-Кале [40, с. 327-332], тем более, что Греллету не свойственно преувеличивать или фантазировать, но все же, думается, это маловероятно.

³² В настоящее время крымские караимы называют свои молитвенные дома «кенасами», очевидно для того, чтобы избежать возможных параллелей с евреями. Термин «синагога» использовался ими в литературном языке до конца XIX в.

Исаак Ковиш <Isaac Covish>³³. Вскоре к нам присоединились другие раввины <Rabbis>³⁴ и евреи. Поблизости была еще другая синагога, ведь одна не могла вместить их всех. Их около тысячи человек, не считая женщин и детей. Они рассказали нам, что в их записях <Records> есть свидетельства о том, что их предки населяли эту скалу в течение более девяти сотен лет, но, по их традиции, они относят свое появление здесь ко времени похода Тита против Иерусалима³⁵. Они сильно отличаются от других евреев. Подобно тому, как поступал этот народ *прежде*, они возделывают землю. У них есть сады, виноградники, пашни и прочее. Они проявляют большую заботу о религиозном и моральном воспитании своих детей. Помимо записанного на пергаменте Закона <Law>, хранящегося в ковчеге, который они нам показали, у них есть напечатанные книги Ветхого завета, причем каждый ребенок имеет свой экземпляр. Там нет ничего, лишь просто Писание – никаких раввинистических добавок, к которым они не присоединяются. Они рассказывали мне, что наши собственные Библия – это очень точная версия их <Писания>. И в Перекопе, и в других местах губернатор и офицеры полиции говорили нам, что поведение этих евреев в высшей степени достойно подражания; им не было известно ни одного случая, когда кого-то из них привлекли бы за проступок любого рода. Очень похожее <Р. 465>, насколько мы могли слышать, говорят о молоканах, где бы те ни жили³⁶. Вокруг нас собралось большое количество евреев, и наша беседа приобрела более серьезный характер – <велась она> главным образом с Первосвященником. По его словам, он полностью верил в действия Божественного Духа, и в то, что господь, согласно пророкам, несет явное свидетельство того. Среди прочих пророчеств он упомянул Иоилево³⁷. Он также придерживается того мнения, что, если все люди будут соблюдать учение и следовать Духу Святому, не будет разницы между иудеями и язычниками, и все они будут приносить Господу одну и ту же угодную Ему жертву. Ему сказали, что тогда он

---

³³ У караимов подобная фамилия не встречается. По предположению Д.А. Прохорова, сделанному при обсуждении данной публикации, речь идет об Исааке бен Шеломо (или Исааке Соломоновиче Исаковиче, 1755-1826), который в то время был духовным главой караимов Чуфут-кале. Как полагает исследователь, переводчики Греллета восприняли употреблявшееся у караимов тюркское слово *чауш*, *чавуш* («предводитель») как фамилию этого лица.

³⁴ Современные караимы обычно называют священнослужителей «гахамами» или «газзанами». Является ли слово «раввин» интерпретацией самого Греллета, услышал он его от переводчика или же от самих караимов – неясно.

³⁵ Римский полководец Тит Флавий Веспасиан завоевал Иерусалим в сентябре 70 г.н.э.

* Согласно Олифанту, еврей-караимы «примечательно и почетно отличаются своей честностью и везде пользуются настолько высокой репутацией, что повсюду в Крыму слово купца-караима считается равным долговой расписке».

³⁶ Лоренс Олифант ездил по Крыму осенью 1852 года, так что примечание это, по всей вероятности, добавлено Сибомом при подготовке текста к печати, причем он немного изменил цитату, добавив туда «купца-караима» [41, р. 294-295].

³⁷ В нем обещается специальное излияние Божественного духа перед концом света [Иоиль 2: 28].

должен верить, что пророчество Иоиля теперь исполнилось: «И будет в последние дни, говорит Бог, излию от Духа моего на всякую плоть»³⁸, и прочая, и прочая, ведь мы живем теперь в эти последние дни. Это побудило нас говорить о пришествии Господа нашего Иисуса Христа и о пророчествах в его честь, о том, каким образом он придет, о конце, ради которого он придет, и прочая, и прочая. Среди прочего, сослались на такое свидетельство Писания: «Не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не придет Примиритель, и ему покорность народов» – *Бытие* 49: 10. Он хорошо знал, что скипетр был взят у Иуды за некоторое время до разрушения Иерусалима Титом, что затем на землю явился Христос, и что в нем настолько буквально воплотилось все то, что писали о нем пророки, что могло показаться, как будто бы они описывали то, что уже произошло, а не то, что должно было исполниться спустя много веков. В течение долгого времени он пребывал в молчании и размышлении, а затем сказал: «Не знаю, что и сказать»³⁹. В дальнейшем мы продолжили серьезный разговор, а во время расставания он пожелал, чтобы мы не забыли посетить некоторых из его людей далее в Крыму, выказав удовлетворение нашим визитом; другие сделали то же самое. <Р. 466> Мы расстались в большой любви, сильно сожалея о том, что у нас не было более легкого пути для общения с этими интересными людьми, кроме как передавать сказанное друг другу через нескольких переводчиков; но даже из их ответов мы могли заключить, что они нас поняли.

На обратном пути мы беседовали на религиозные темы с нашим татаринном. На него произвело некоторое впечатление то, что он понял из нашего диалога с евреем, так что он задал несколько вопросов в отношении Господа нашего Иисуса Христа. В Бахчисарае у них есть много мечетей; некоторые из них маленькие, но две особенно велики. Регулярное посещение мечетей во всякий предназначенный для молитвы час, пять раз в день, раньше соблюдалось очень строго; тех, кто этого не соблюдал, если только не вследствие болезни или другой достойной причины, били палками; но сейчас, находясь под властью России, они позволяют себе вольности.

7ое. Вчера вечером мы прибыли в Севастополь <Sebastopol>. Дорога шла по прекрасной долине. Нам пришлось воспользоваться паромом, чтобы переправиться в город – самый удобный морской порт на Черном море. В нем двадцать пять тысяч жителей, большая часть которых принадлежит флоту; есть две тысячи торговцев, большая часть которых – евреи <Jews>. У нас было письмо к командовавшему там адмиралу⁴⁰. Он любезно принял нас

³⁸ Деяния 2: 17. Ср.: Иоиль 2: 28.

³⁹ Суть спора в следующем: Греллет утверждал, что Иоиль предсказал пришествие Иисуса Христа, описанное в Евангелиях, тогда как первосвященник придерживался того мнения, что речь идет о не исполнившемся еще пророчестве [16].

⁴⁰ Очевидно, адмирал Алексей Самуилович Грейг (1775-1845), главный командир Черноморского флота и губернатор Севастополя в 1816-1833 гг.

и предоставил нам свободный доступ в места, посещение которых мы считали своим долгом. В качестве переводчика нас сопровождал серьезный мужчина, прекрасно говоривший по-французски. Мы посетили большую больницу для моряков и три тюрьмы. Мы провели несколько религиозных бесед с заключенными; особенно же удачная беседа состоялась в доме адмирала, вечером, после чая. По этому случаю собралось много народа, среди которых было несколько греков. Души некоторых из них были готовы воспринимать. Также мы имели удовольствие посетить солдатских и матросских детей. Мы чувствуем большой интерес к подрастающему поколению – велико наше желание внедрить в этих молодых людей добродетельные принципы, чтобы они могли прийти к спасительному знанию Истины, существующей в Господе нашем Иисусе Христе.

9ое. Мы возвратились в Симферополь, где также посетили <Р. 467> тюрьмы, школы и больницу. Очень интересно провели мы время с молоканами; удивительно, как хорошо они знакомы с вещами из царства Божьего, и как точно они цитируют Писание в поддержку разных христианских доказательств. Они предоставили нам краткое письменное свидетельство о своих принципах, а также копии писем, полученных от братьев из дальних краев, в которых выказывается истинная скромность и великое религиозное чувство. Нам они устроили торжественную встречу; Господь овладел нами и был рядом⁴¹. Мы также побывали у вице-губернатора⁴² и его жены, которые оказались серьезными молодыми людьми.

Феодосия <Theodosia>, 11ое. По дороге сюда мы на короткое время остановились в Карасу-Базаре <Karasu Bazar>, татарском селении, построенном в азиатском стиле. В нем десять тысяч жителей, из которых три тысячи – греки и армяне, и несколько евреев. Мы посетили их школы и богадельни. В первых нас встречали многие татары и евреи. Мы воспользовались возможностью проповедовать им слово Господа Иисуса Христа и направить их к той благодати и истине, которые являются вместе с ним. У армян мы встретили торжественный прием. Нас встречал их епископ – это благочестивый, здравомыслящий человек. Он сильно расчувствовался и расстался с нами в большой любви. Таким образом, в течение нескольких часов у нас была возможность возгласить о спасении, которое приходит с Иисусом Христом, татарам, магометанам, евреям, грекам и армянам! да благословит Господь дело свое среди них всех! Вечером мы прибыли в Феодосию. Губернатор Энгел

---

⁴¹ Возможно, здесь намек на особенность ритуала квакеров – коллективное созерцательное молитвенное молчание с последующим явлением голоса Бога одному из участников собрания. Квакерам свойственно, по определению основателя их секты, Джорджа Фокса, «ожидать Бога в молчании». Они могли часами сидеть, погружившись в тишину, пока кто-нибудь из участников собрания, почувствовав в своей душе голос Бога или Христа, не вставал и не начинал проповедовать [42, с. 149-159].

⁴² Вероятно, Николай Иванович Перовский (1785-1858), в описываемое время – таврический вице-губернатор; дед народоволки Софьи Перовской.

<Engel>⁴³, достойный человек, оказал нам помощь в различных религиозных начинаниях, работая в качестве преданного переводчика. О, как милостиво Господь дает нам сведущих лиц, без любезной помощи которых мы не смогли бы вести никакой религиозной беседы с теми, кого посещали. Сначала мы отправились в тюрьму и больницу. Затем – в школу для детей евреев-караимов, где также встретились с их родителями. С ними у нас была приятная беседа, и еще одна – с татарами; она состоялась у них мечети, здании, очень бедном изнутри; там нет образов, лишь несколько слов на стене, возглашающих, что «Бог велик и добр». Они были <Р. 468> внимательны к тому, о чем мы им говорили, и с благодарностью приняли несколько книг религиозного характера. То же сделали и евреи. Губернатор сообщил нам те же благоприятные сведения о евреях, что мы получили и ранее; в округе высоко ценят их моральный облик. Вечером у нас было время для религиозного отдохновения с губернатором и его семейством. Оказалось, что он сочувствует тому, что мы должны были сообщить по этому случаю, и с благодарностью принял некоторые из наших книг; мы часто оставляли некоторые книги на латинском, немецком и французском в общественных библиотеках. Кроме того, евреям мы давали Завет на древнееврейском, грекам и армянам – на греческом.

12ое. Рано утром мы отправились в немецкие <German> и швейцарскую <Swiss> колонии. Губернатор Энгел любезно предоставил нам грека и татарина в сопровождающие и переводчики. Эти колонии лежат в отдалении от общественной дороги. Гейльбрун <Heilbrunn>⁴⁴, куда мы прибыли сначала, что в тридцати шести верстах от Феодосии, населяют эмигранты из Виртемберга. Люди были на полевых работах, но, едва слышали о нашем желании их повидать, собрались в здании школы, которое также использовалось как место для молитвы. Сейчас у них нет священника⁴⁵, но, тем не менее, они очень аккуратно собираются для Божественного моления. Как мы поняли, другие

⁴³ Федор (Теодор) Петрович (Иванович?) Энгель (1766 или 1769-1837), градоначальник Феодосии в 1819-1820 г.

⁴⁴ Немецкая колония Гейльбрун (ныне село Приветное Кировского района) основана в 1804 г.

⁴⁵ Здесь и далее в рассказе о немецких и швейцарских колонистах автор использует слово «minister» в значении «(протестантский) священник». Существует проблема адекватной передачи слова «minister» в тексте Греллета. Дело в том, что католических и православных священников он, в соответствии с английской традицией, именует «priest», а протестантских – «minister». Однако для квакеров, к которым принадлежал Греллет, слово «minister» правильнее переводить как «служитель», поскольку священников в католическом или православном смысле у квакеров не было. На странице же 469 оригинального текста цитируется английский (квакерский) перевод Библии, где слово «minister» является эпитетом Бога, который в русской версии Библии передается как «священнодействователь». Противопоставление «priest» и «minister», а также параллель между «minister» протестантским и «minister» Божественным вполне ясны для англоговорящего читателя, но передать это в русском языке вряд ли возможно. Можно, конечно, заменить всех протестантских «священников» на «священнодействователей», но так утратится ясность и пострадает стиль.

немецкие колонисты в этих краях пребывают в сходных обстоятельствах⁴⁶. Драгоценным было наше совместное сидение в молчании. Они знакомы с духовным богослужением⁴⁷. Нам было мало о чем говорить в пастырском отношении, но находиться вместе было поучительно и приятно. Они очень настаивали на том, чтобы мы остановились у них на ночь, но мы желали продолжать путь к швейцарцам. Некоторые из них сопровождали нас в Цюрихталь <Zurichthal>⁴⁸. Мы были пестрой толпой – немец, русский, грек, татарин, поляк, англичанин и француз, все вместе ехавшие одним путем, во имя одной и той же цели. О, если бы люди всех стран и языков могли бы таким образом объединиться и в гармонии друг с другом отправиться в путь к вечной жизни!

Местные колонисты прибыли из кантона Цюрих. Наша встреча с ними для Божественного моления в утро первого дня⁴⁹ была драгоценной и торжественной. Долгое время мы все вместе просидели <Р. 469> в тишине. Поклонение совершилось в духе и истине⁵⁰. Днем мы проехали через Розенталь <Rosenthal>⁵¹, большую деревню римских католиков, на пути в Нейзац <Neuzats>⁵², еще одну деревню лютеран, прибывших из окрестностей Штутгарта. Эту ночь мы провели среди них, а на следующее утро назначили встречу, на которую пригласили и другую деревню того же народа. На следующее утро прибыла депутация из римско-католической деревни, чтобы просить нас не уезжать, не встретившись также и с ними. Когда мы проезжали через их деревню, моя душа сильно к ним тянулась, но я предполагал, что они могли не захотеть посетить назначенную нами встречу; теперь же мы были готовы к тому, чтобы принять их приглашение. Среди них нет священника⁵³, как и у их соседей-протестантов. Лишь один приезжает раз в год⁵⁴. На утреннюю встре-

---

⁴⁶ Об отсутствии священника у крымских протестантов пишет и англичанка Мэри Хоулдернесс, которая с 1816 по 1820 г. жила в деревне Карагоз (сейчас село Первомайское Кировского района) и впоследствии издала воспоминания о поездке в Россию: «В каждом из их <немцев – прим. перев.> селений у них есть церковь, где один из прихожан, наиболее пригодный к тому, чтобы взять на себя священное служение, каждое воскресенье дважды читает молитву; лютеранский священник, который живет в Судаке и имеет соответствующие полномочия, дважды в год посещает каждую колонию, где сочетает браком, крестит и изучает состояние церквей» [8, р. 161-162].

⁴⁷ Автор имеет в виду особый квакерский ритуал (см. прим. 41).

⁴⁸ Швейцарская колония Цюрихталь (ныне село Золотое поле Кировского района) возникла в 1804 или 1805 г.

⁴⁹ Т.е. воскресенье (см. прим. 5).

⁵⁰ Ср.: «Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине» [Иоанн 4: 24].

⁵¹ Немецкая колония Розенталь (ныне село Ароматное Белогорского района) возникла в 1805 г.

⁵² Немецкая колония Нейзац (ныне село Красногорское Белогорского района) возникла в 1804 или 1805 г.

⁵³ Priest – см. прим. 45.

⁵⁴ Только в 1823 г. в Нейзац прибыл священник Дурс Берлин (Durs Boerlin), миссионер из Базеля [7, р. 244].

чу собрались все жители обеих деревень. Нашим переводчиком был говоривший по-французски швейцарец. Это была хорошая встреча. Мы приняли этих людей глубоко к сердцу. Их забота и попечение о религиозном образовании своих детей оказались велики. Необходимость в священнике, который находился бы постоянно среди них, совершенно вымышленная, ведь, когда они собираются вместе для Божественного моления, то подчиняются не человеку, но Господу, истинному священнодействователю святилища⁵⁵, и они явно делают успехи в святой жизни при священнодействии его благословенного Духа.

В назначенное время мы прибыли в римско-католическую деревню. Когда мы вступили в нее, зазвонил колокол на башне. Мы ожидали, что встреча состоится в частном доме, но они сказали, что нет места, более подходящего и более пригодного к тому, чтобы вместить народ, чем церковь⁵⁶. Войдя внутрь, мы обнаружили, что уже собралась огромная толпа, ведь это была большая деревня. Они зажгли восковые свечи на алтаре по своему обычаю, хотя солнце светило очень ярко. Я не думал много об этом. Мой разум был наполнен сильным беспокойством об этих людях и самым искренним желанием того, чтобы они смогли прийти к свету Господнему и собраться в сиянии его воскресения. Мы уселись лицами к людям, спинами к алтарю. После того, <Р. 470> как мы провели в тишине какое-то время, нас несколько раз слегка побеспокоил человек, проходивший поблизости, чтобы позвонить в колокол на башне еще и еще раз. Я не мог и подумать, чего хотел этот человек, пока, наконец, он не сказал мне по-голландски: «Не думаю, сударь, что придет еще кто-нибудь, ведь здесь собралась вся деревня». Затем я поднялся со стула; рядом со мною стоял переводчик. Господь дал мне простор⁵⁷ в Истине своей. Народ направлен был к Христу Пастырю и Блюстителю душ⁵⁸, первосвященнику христианского исповедания нашего⁵⁹, который очень близок к каждому из нас и готов священнодействовать в храме сердца каждому из тех, кто его ждет. Мой возлюбленный друг Уильям Аллен⁶⁰ имел нечто очень ценное, о чем следовало рассказать на этих двух встречах, на каждой из которых людские души стали готовы воспринимать. При возвращении в Симферополь наши сердца переполняла благодарностью Богу, побудившему нас посетить эту часть семени⁶¹, которую он орошает из жилища святыни своей⁶².

⁵⁵ Ср.: К евреям 8: 2.

⁵⁶ Надо иметь в виду, что у квакеров, к которым принадлежал Греллет, церковей не было вовсе, собирались они в пустых помещениях.

⁵⁷ Ср.: Псалтирь 4: 2; также Псалтирь 117: 5.

⁵⁸ Ср.: 1-е Петра 2: 25.

⁵⁹ Ср.: К евреям 3:1.

⁶⁰ Спутник Греллета – о нем см. прим. 9.

⁶¹ Ср.: Лука 8: 4-15.

⁶² Ср.: Исход 15: 13.

15ое. Это был наш третий приезд в Симферополь. Здесь мы обнаружили пятерых молокан, в течение нескольких дней дожидавшихся нашего возвращения. Это была депутация от братьев, живущих довольно далеко, в Тамбовской губернии <Government of Tambov>, где находится более двухсот семей, открыто придерживающиеся своей веры, и примерно еще столько же являются крепостными <serfs>, которые встречаются со своими собратьями по мере возможности. В эти края они прибыли, чтобы осмотреть земли и посмотреть, смогут ли они поселиться сюда вместе со своими семьями. Надеемся, что, после обращения к императору, и им, и многим другим из этого народа будет позволено пользоваться теми же привилегиями, которыми пользуются меннониты. Мы уверены, что для находящихся во тьме духоборцев⁶³ они могут стать истинным благословением. Они рассказывают, что многие из них ранее принадлежали к той же общине⁶⁴, но, когда в руках у них оказалось Писание, они совершенно убедились в своих ошибках. Говорили, что имя «молокане» дано им потому, что они воздерживаются от соблюдения многих правил с соблюдением дней, постов и церемоний греческой церкви⁶⁵. Их ответы на наши вопросы об их религиозных правилах полностью соответствовали тому, что нам рассказывали прежде. Они поведали нам, что большинство из них умеет читать и ежедневно <Р. 471> читают Писание в кругу семьи. Они подтвердили имеющиеся у нас сведения об их большой численности в некоторых губерниях, особенно в Астрахани <Astrakhan>, на Кавказе <Caucasus>, в Саратове <Saratov> и прочих <местах>.

Мы поехали за пятнадцать верст <versts> к вице-губернатору, в сопровождении его секретаря. Приятным был визит к его семье. Жена его благочестиво заботится об их детях – очень интересных молодых людях. По пути мы навестили вдову прославленного естествоиспытателя – она по прежнему чувствует свою огромную потерю⁶⁶. Вечером у нас была торжественная религиозная встреча с молоканами. Знакомство и общение с этими драгоценными людьми само по себе вознаградило все наши усилия по достижению этой страны.

16ое. Ранним утром мы отправились в Перекоп. Но еще до наступления дня некоторые молокане были у наших дверей, чтобы еще раз сказать нам слова прощания. Кроме того, они принесли нам хлеб в дорогу. В Крыму это весьма распространенная практика, когда отправляются в пустыню. Отка-

---

⁶³ О них см.: прим. 20.

⁶⁴ То есть к духоборцам.

⁶⁵ О них см.: прим. 19.

⁶⁶ Вероятно, Греллет имеет в виду Каролину (Катарину) Ивановну Паллас, вдову академика Петра-Симона Палласа (1741-1811), знаменитого немецкого путешественника и натуралиста, члена Петербургской академии наук [20, с. 7-13]. Екатерина II пожаловала Палласу владения в Крыму, где он должен был поправлять свое здоровье. Когда в 1810 г. Паллас решил вернуться в Германию, его супруга отказалась следовать за ним и продолжала жить в своем имении недалеко от Симферополя (сейчас это территория ботанического сада Таврического национального университета).

заться – значит нанести большую обиду дающим. Хотя мы прежде запаслись некоторым количеством, но, увидев, насколько наш отказ их опечалил, мы приняли их добровольный дар. Один из их стариков, человек почтенного вида с длинной бородой и в одежде из овчины, очень хотел проделать небольшую часть пути вместе с нами. Он забрался <в экипаж> и уселся между нами. Разговаривать друг с другом мы не могли. Но есть язык сильнее слов. Он держал за руку каждого из нас. Крупные слезы катились по его почтенной бороде. Несколько верст мы ехали в торжественном, умудренном молчании, пока не достигли воды, через которую нужно было переправляться. Тогда он с глубоким чувством прижал нас к груди, поцеловал, и вышел из экипажа. Обернувшись назад, мы увидели, как он простерся на земле, преклонившись перед Богом или молясь ему. Поднявшись, он стоял, обратив к нам лицо и воздев руки, пока мы могли его видеть. То, что он сделал, мы поняли как торжественное прощание. Господь да благословит и да защитит эту часть своего наследия⁶⁷, народ, который он вырастил своей властью и обучил с помощью своего вольного Духа. В Перекопе мы побывали в крепостной тюрьме и в больнице, а в полдень 17го выехали оттуда в <Р. 472> Берислав <Berislav>, которого достигли только в полночь...

---

⁶⁷ Ср.: Псалтырь. 126: 3.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пыпин А.Н. Импер. Александр I и квакеры (рец. на: *The Quakers from their origine till the present time: an international history*. By John Cunningham, D.D. Edinburgh, 1868) // *Вестник Европы*. 1869. Т. 10.
2. Kırımlı H. Crimean Tatars, Nogays, and Scottish missionaries. The story of Katti Geray and other baptised descendants of the Crimean khans // *Cahiers du monde russe*. 2004/1-2. Vol. 45.
3. Gidney W.Th. *The History Of The London Society For Promoting Christianity Amongst The Jews: From 1809 To 1908*. Whitefish, 2007.
4. Hair P.E.H. A Scottish missionary in the Caucasus: Henry Brunton // *Bulletin of Scottish Institute of Missionary Studies*. 1973. Vol. XIII.
5. Henderson E. *Biblical Researches and Travels in Russia*. London, 1826.
6. Пыпин А.Н. Российское Библейское Общество: 1812-1826 // *Вестник Европы*. 1868. № 8-12.
7. Chapin W. *The Missionary Gazetteer*. Woodstock, 1825.
8. Holderness M. *Journey from Riga to the Crimea, with some Account of the Manners and Customs of the Colonists of New Russia*. 2nd ed. London, 1827.
9. Lyall R. *Travels in Russia, the Krimea, the Caucasus and Georgia*. In two volumes. Vol. I. Edinburgh, 1825.
10. *Memoirs of the Life and Gospel Labours of Stephen Grellet*, edited by Benjamin Seebohm. In two volumes. Vol. I. Philadelphia, 1860.
11. *Memoirs of the Life and Gospel Labours of Stephen Grellet*, edited by Benjamin Seebohm. In two volumes. Vol. II. Philadelphia, 1860.
12. Budge F.A. *A missionary life: Stephen Grellet*. London, 1888.
13. Guest W. *Stephen Grellet*. London, 1903.
14. Осинин И.Т. Записки Квакера о пребывании в России (1818-1819 гг.) // *Русская старина*. 1874. Т. 9. № 1.
15. Грушко К.П. Homo Quakerus: мировоззрение Стивена Греллета // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Историческая биография и персональная история*. М., 2001.
16. Грушко К.П. «Мемуары» Стивена Греллета: опыт прочтения религиозного текста // *Столпотворение (научно-художественное приложение к журналу Союза переводчиков России «Мир перевода»)*. 2003. № 8/9.
17. Саид Э.В. *Ориентализм. Западные концепции Востока* / Пер. А.В. Говорунов. СПб., 2006.
18. Деремедведь Е.Н. Крым глазами английского путешественника Р. Лайелла // *Культура народов Причерноморья*. Симферополь, 2002. Вып. 43.
19. Clarke E.D. *Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa*. Part the first. Russia, Tahtary, and Turkey. Fourth edition. Vol. 2. London, 1816.
20. Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793-1794 гг. / Пер. С.Л. Белявская, А.Л. Бертье-Делагард (*Научное наследство*. Т. 27). М., 1999.
21. Guthrie M. *A tour, performed in the years 1795-6, through the Taurida, or Crimea, the ancient kingdom of Bosphorus, the once-powerful republic of Tauric Cherson, and all the other countries on the north shore of the Euxine, ceded to Russia by the peace of Kainardgi and Jassy*. London, 1802.
22. Зорин А.Л. *Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века*. М., 2004.
23. Вулф Л. *Винайдення Східної Європи. Мапа цивілізації у свідомості епохи Просвітництва* / Пер. С. Біленький, Т. Цимбал. Київ, 2009.
24. Schonle A. *Garden of the Empire: Catherine's Appropriation of the Crimea* // *Slavic Review*. 2001. Vol. 60. No. 1.

25. Dickinson S. Russia's First «Orient»: Characterizing the Crimea in 1787 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2002. Vol. 3. No.1.
26. Jobst K. The Crimea as a Russian Mythical Landscape (From the 18th Century to the First World War). A Framework for Research // *Mythical Landscapes Then and Now: The Mystification of Landscapes in Search for National Identity*. Yerevan, 2006.
27. O'Neill K. Constructing Imperial Identity in the Borderland: Architecture, Islam, and the Renovation of the Crimean Landscape // *Ab Imperio*. 2006. № 2.
28. Webster J. Travels through the Crimea, Turkey, and Egypt; performed during the years 1825-1828; including particulars of the last illness and death of the emperor Alexander, and of the Russian conspiracy of 1825. In Two Volumes. Vol. I. London, 1830.
29. Otter W. The Life and Remains of Edward Daniel Clarke, professor of mineralogy in the University of Cambridge. New York, 1827.
30. Равдоникас В.И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием северного Причерноморья // ИГАИМК. 1932. Т. XII, вып. 1–8: Готский сборник.
31. Храпунов Н.И. Рец. на кн.: Едмунд Хоєцький. Спогади з подорожі по Криму / Пер. з польської О.О. Тищенко-Монастирська, ком. В.І. Баранов, О.О. Тищенко-Монастирська. Симферополь, 2008 // *Ab imperio*. 2008. № 3.
32. Kizilov M. Karaites through the Travelers' Eyes: Ethnic History, Traditional Culture and Everyday Life of the Crimean Karaites according to the Descriptions of the Travelers. Simferopol'; Warsaw, 2003.
33. Мальгин А.В. Русская Ривьера. Курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху Империи. Конец XVIII – начало XX в. Симферополь, 2004.
34. The Late Benjamin Seebohm // *The Friend. A Religious, Literary and Miscellaneous Journal*. 1871. Vol. XI, no. 127.
35. Allibone S.A. A Critical Dictionary of English Literature, and British and American Authors, Living and Deceased, from the Earliest Accounts to the Middle of the Nineteenth Century. Vol. II. Philadelphia, 1872.
36. Purver A. A new and literal translation of all the books of the Old and New Testament; with notes critical and explanatory. In two volumes. London, 1764.
37. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. London, 1990.
38. Margaret N. William Allen: Quaker Friend of Lindfield (1770-1843). Linfield, 2001.
39. Doncaster H. Friends of Humanity: with special reference to the Quaker William Allen. London, 1965.
40. Полканов Ю.А., Шутов Ю.И. Открытие подземного хода у стен древней крепости Чуфут-кале (Джуфт-кале) // Москва–Крым. Историко-публицистический альманах. М., 2001. Вып. 3.
41. Oliphant L. The Russian Shores of the Black Sea in the Autumn of 1852. Edinburgh; London, 1853.
42. Павлова Т. А. Дух Просвещения и ранние квакеры // Человек XVII столетия. Ч. 1. М., 2005.

Храпунов М. І.

Подорож Кримом Стівена Греллета

Резюме

Публікація є перекладом спогадів Стівена Греллета про його поїздку до Криму влітку 1819 р. з анотацією і коментарями. Відомий релігійний діяч, що належав до квакерів, Греллет (1773-1855) досить детально описав свої зустрічі з релігійними меншинами – молоканами, духоборами, караїмами, католиками, а також деякі інші обставини кримського життя. Його твір – цікавий приклад релігійного погляду на Крим, що сприяє розумінню того, як саме європейці сприймали півострів на початку XIX ст. Образ Криму у Греллета нагадує колоніальний Схід. Навіть найбільш близькі квакеру в релігійному плані мешканці Криму не досить здібні до самостійного духовного розвитку і вдосконалення. Для отримання дійсного релігійного знання або його збереження їм потрібна допомога ззовні – не вистачає священників і книг, проповідей і тлумачень. Поглядам кримчан нерідко властива наївність і простота. Сам же автор виявляється добрим і чуйним вчителем, який відноситься до тих, хто його оточує, частіше як до дітей, чим як до рівних собі. Дана публікація – перша спроба перекладу кримської частини твору Греллета на російську мову. У анотації наводяться біографія Греллета та міркування про його мемуари як історичне джерело і про деякі загальнотеоретичні проблеми вивчення описів Криму мандрівниками із Західної Європи.

Храпунов Н. И.

Путешествие по Крыму Стивена Греллета

Резюме

Публикация представляет собой перевод воспоминаний Стивена Греллета о его поездке в Крым летом 1819 г. с аннотацией и комментариями. Известный религиозный деятель, принадлежавший к квакерам, Греллет (1773-1855) довольно подробно описал свои встречи с религиозными меньшинствами – молоканами, духоборами, караимами, католиками, а также некоторые другие обстоятельства крымской жизни. Его сочинение – любопытный пример религиозного взгляда на Крым, который способствует пониманию того, как именно европейцы воспринимали полуостров в начале XIX в. Образ Крыма у Греллета напоминает колониальный Восток. Даже наиболее близкие квакеру в религиозном плане жители Крыма мало способны к самостоятельному духовному развитию и совершенствованию. Для получения истинного религиозного знания или его сохранения им требуется помощь извне – не хватает священников и книг, проповедей и истолкований. Взглядам кримчан нередко свойственна наивность и простота. Сам же автор предстает как добрый и отзывчивый учитель, который относится к окружающим чаще как к детям, чем как к равным себе. Данная публикация – первая попытка перевода крымской части сочинения

Греллета на русский язык. В аннотации приводятся биография Греллета, рассуждения о его мемуарах как историческом источнике и некоторых общетеоретических проблемах изучения описаний Крыма путешественниками из Западной Европы.

Khrapunov N. I.

Stephen Grellet's Travel in the Crimea

Summary

This publication presents a Russian translation of Stephen Grellet's memoirs about his travel to the Crimea in summer 1819, with annotation and commentaries. Famous religious figure among the Quakers, Grellet (1773-1855) gave a detailed account of his meetings with religious minorities: Molokans, Dukhobortsy, Karaites, and Catholics, as well as some other circumstances of the Crimea life. His work is an interesting example of religious view of the Crimea, which allows one to uncover the Europeans' understanding of the peninsula in the early nineteenth century. Grellet's image of the Crimea resembles the colonial Orient. Even those of the Crimean residents whose religion was mostly close to the Quaker were hardly capable of independent spiritual development and improvement. To receive and preserve true religious knowledge, they needed in outside help because of the lack of clergymen and books, sermons and commentaries among them. The Crimean's often have naive and simple creed. The author himself is more often represented as a kind and sympathetic teacher, who treats the people around more like children than like his equals. The given publication is the first attempt to translate the Crimean pages of Grellet's book into Russian. The annotation supplies Grellet's biography, observation of his memoirs as a historic source and some theoretical aspects of the study of West European travellers' descriptions of the Crimea.